

UNITED WISDOM

Женщины в истории философии: как устроен отбор канона

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-32-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Женщины в истории философии: как устроен отбор канона

Эпиграф

«Я не желаю им власти над мужчинами; я желаю им власти над собой».

Мэри Уолстонкрафт, «В защиту прав женщины» (1792), глава IV. Собственный перевод: “I do not wish them to have power over men; but over themselves.” Проверенный текст.

О чём эта статья

История философии обычно начинается с ряда знакомых имён. Этот ряд кажется самой историей мысли: одни авторы задают вопросы, другие отвечают, третьи совершают следующий поворот. Женщины появляются редко, и редкость легко принять за свидетельство того, что они почти не участвовали в разговоре. Однако учебный список показывает прежде всего устройство учебного списка.

Статья разбирает, как мыслитель получает место в каноне: через доступ к образованию, сохранность текста, жанровое признание, издание и повторное преподавание. Она не предлагает объявить каждого забытого автора великим или заменить оценку аргумента оценкой пола. Задача точнее: различить отсутствие мысли и отсутствие условий, при которых мысль становится заметной. На нескольких проверяемых примерах видно, как возвращение женских текстов меняет не только количество имён, но и представление о самих философских вопросах. Практическое следствие касается любого чтения: кого мы считаем собеседником заранее и по каким основаниям исключаем остальных ещё до знакомства с их доводами?

I. Канон — карта, которая начинает управлять местностью

Канон необходим, потому что никто не способен прочитать всё. Он предлагает связный маршрут через большой корпус, позволяет сравнивать вопросы и даёт общую точку отсчёта. Проблема начинается, когда маршрут воспринимают как полный перечень существовавших дорог. Тогда то, что не попало в учебник, постепенно становится тем, чего как будто не было.

Представим условного составителя курса. У него двенадцать занятий. Он выбирает тексты, которые доступны в переводе, сопровождаются комментариями и знакомы коллегам. Это разумные практические критерии. Но каждый из них уже зависит от

прежнего отбора. Автор, которого давно преподают, легче получает новое издание; новое издание помогает снова включить его в курс. Другому мыслителю требуется доказать своё значение без этой инфраструктуры.

Получается круг накопленного признания. Он не обязательно организован намеренно и не требует злого умысла преподавателя. Его сила в том, что локальный удобный выбор воспроизводит глобальное неравенство видимости. Читатель видит результат множества таких решений, но редко видит сами решения. После нескольких поколений повторения ряд имён приобретает впечатление естественности.

Феминистская история философии исследует этот отбор, возвращает утраченные фигуры и пересматривает допустимые жанры философского письма. Академический обзор Шарлотты Уитт и Лизы Шапиро отдельно рассматривает восстановление авторов и вопросы историографии. Это исследовательская программа, а не утверждение, что все канонические тексты бесполезны. «Feminist History of Philosophy», разделы 2 и 2.4.

Для чтения отсюда следует скромное, но существенное правило. Знакомость автора — хороший повод начать, но слабое основание закончить поиск. Если философская проблема касается свободы, тела или образования, стоит спросить, чьи тексты могли исчезнуть на этапе определения самой проблемы. Карта остаётся полезной, пока позволяет увидеть собственные границы и допускает новые маршруты.

II. Неравный вход не создаёт пустого мышления

Условия производства мысли нельзя вывести из её сохранившегося результата. Тому, кто имеет доступ к библиотеке, времени и признанному кругу собеседников, легче развить возражение до книги. Тому, кто исключён из этих условий, иногда остаётся письмо, беседа или рукопись. Это не делает его довод автоматически сильным; это меняет вероятность, что довод вообще встретится следующему читателю.

Анна Конвей, жившая в XVII веке, получала философское обучение через переписку с Генри Мором. Как женщина она не могла посещать университет, где учился её брат. Её трактат вышел после смерти, анонимно, на латыни в 1690 году. Здесь можно проверить конкретную цепочку ограничений и передачи, не сводя её к общему рассказу о молчавших женщинах. Сара Хаттон, «Lady Anne Conway», разделы 1–2.

Этот пример важен ещё и своим неудобством для простой схемы. Конвей принадлежала к привилегированной среде и имела доступ к богатой частной библиотеке. Ограничение по полу сосуществовало с преимуществами положения. Её история не представляет всех женщин эпохи. Она показывает, как разные условия могут одновременно помогать мысли и закрывать ей официальный путь.

В условной современной ситуации похожее различие возникает между участием в обсуждении и авторством принятого документа. Человек может годами задавать существенные вопросы, но если протокол фиксирует только официальные выступления, следующее поколение увидит другой состав разговора. Это авторская аналогия о документации, а не утверждение исторической тождественности.

Поэтому восстановление участия требует точных свидетельств. Нужны датированные письма, издания, рукописи, ответы собеседников. Недостаточно желания найти достойную предшественницу. Честность работает в обе стороны: нельзя объявлять отсутствие записи доказательством отсутствия мысли, но нельзя заполнить пробел красивой биографией. Исследователь должен сохранять различие между известным ограничением, установленным текстом и предположением о том, что могло остаться несохранённым.

III. Форма текста решает, кого услышат

Определение философии одновременно является правилом допуска. Если философским признаётся только большой систематический трактат, письмо оказывается вспомогательным материалом. Если допускается тщательно развитое возражение в переписке, состав участников меняется. При этом расширение жанра не должно отменять проверку содержания.

Маргарет Кавендиш в «Философских письмах» 1664 года обсуждает движение, материю и восприятие. В письме о передаче движения она задаёт последовательные вопросы: что именно переносится от руки к инструменту, телесно ли движение и что происходит с ним после остановки? Эти доводы принадлежат её натурфилософской системе. Они могут быть ошибочными с точки зрения современной физики и всё же оставаться философскими доводами, требующими ответа. Кавендиш, «Philosophical Letters», часть I, письмо XXIII.

Читать такой текст только как выражение характера автора значит пропустить его работу. Но и принимать любой её образ как научное открытие было бы другой ошибкой. Письмо следует оценивать по вопросу, предпосылкам, переходам и возражениям. Тогда жанр становится способом рассуждения, а не оправданием слабого аргумента.

Та же дисциплина нужна при работе с религиозным письмом. Теологическая рамка не мешает тексту содержать метафизический довод. Она устанавливает его основания. Читатель может не принимать эти основания, но обязан назвать их прежде, чем судить о выводе. Иначе «это всего лишь религия» выполняет ту же исключающую работу, что «это всего лишь письмо».

Граница проходит не между престижной и непрестижной формой. Она проходит между высказыванием, которое раскрывает свои основания, и формулой, которая требует признания без рассмотрения. Философское чтение ищет первую работу в разных контейнерах. Иногда в переписке находится более точное возражение, чем в книге. Иногда длинная книга содержит лишь эффектное повторение. Сам жанр не решает этого заранее.

IV. Уолстонкрафт спорит с устройством разума

Возвращение женщины в историю философии не обязательно означает добавление темы о женщинах. Мэри Уолстонкрафт задаёт вопрос о том, как общество формирует способности, которыми затем объясняет своё неравное обращение. В её аргументе воспитание и оценка оказываются частью одной цепочки.

В «В защиту прав женщины» она оспаривает образование, приучающее к привлекательности и послушанию вместо развития суждения. Её спор с Руссо касается прежде всего оснований воспитания Софии. Если способность разумно действовать требует упражнения, нельзя систематически ограничивать упражнение, а затем принимать результат за природную неспособность. Уолстонкрафт, главы II и IV.

Внутренняя логика этого довода шире вопроса о школьной программе. Представим условного взрослого, которому всегда разрешали только исполнять решение. Позже от него требуют инициативы и объявляют недостаток инициативы его личным качеством. Чтобы оценить ситуацию, нужно отделить текущий навык от истории предоставленных возможностей. Это не оправдание любой ошибки, а условие точного объяснения.

Уолстонкрафт сохраняет религиозные и моральные основания своего века. Она не является готовым выразителем всех современных требований равенства. Её представления о добродетели, семье и телесных различиях требуют собственного исторического чтения. Можно использовать сильный довод об образовании, не превращая весь трактат в сегодняшнюю программу.

Философская значимость здесь проявляется через неудобный вопрос к универсальности. Если разум объявляют общечеловеческой способностью, на каком основании одним людям систематически не дают условий для его развития? Универсальное понятие проверяется не только определением, но и последовательностью применения. Поэтому включение Уолстонкрафт меняет содержание темы «разум и свобода», а не просто исправляет число женских фамилий в конце главы.

V. Различие между женщинами не является помехой

Нельзя восстановить исключённых мыслительниц, заменив их единой позицией «женской философии». Кавендиш, Конвей и Уолстонкрафт работают с разными вопросами и основаниями. Их объединяет не готовая теория, а определённое отношение к условиям признания. Даже это отношение различается от случая к случаю.

Кавендиш строит собственную натурфилософию, где существенную роль играет самодвижущаяся материя. Конвей связывает устройство созданного мира с божественными свойствами и отвергает инертную материю. Уолстонкрафт исследует воспитание, разум и моральную независимость. Сведение этих работ к интуиции заботы или телесному опыту создало бы новый стереотип вместо прежнего исключения. Кавендиш, часть I; Хаттон, разделы 2–3; Уолстонкрафт, главы II–IV.

Разногласие — признак реального философского участия. Человек входит в историю не только тогда, когда подтверждает удобное ожидание читателя. Он может защищать метафизику, которую читатель не принимает, спорить с любимым автором и ошибаться. Дать место означает дать возможность быть рассмотренным во всей этой сложности.

Поэтому полезно замечать асимметрию оценок. Ошибка известного мужчины часто становится продуктивным этапом истории; ошибка малоизвестной женщины — поводом не читать дальше. В конкретном случае такая асимметрия ещё требует доказательства, но сам вопрос правомерен. Сравниваются не только выводы авторов, но и правила, по которым читатель решает, заслуживает ли ошибочный довод внимания.

Есть также различия класса, образования, языка и религиозной принадлежности. Добавление нескольких европейских аристократок не создаёт всемирной истории женской мысли. Этот текст сознательно ограничен несколькими европейскими случаями. Граница позволяет сделать вывод точнее: привычный канон можно расширить по проверяемым материалам, однако один успешный возврат не означает, что все остальные линии уже исследованы.

VI. Включить имя и включить вопрос — разные действия

Формальное включение легко сохранить устройство прежнего курса. Преподаватель добавляет отдельную лекцию о женщинах, а остальные занятия продолжают рассказывать историю без них. Список стал разнообразнее; отношения между вопросами почти не изменились. Такой шаг может быть полезным началом, но его результат ограничен.

Более содержательное включение начинается с общего вопроса. Если курс обсуждает природу движения, рядом ставятся конкретные доводы разных авторов. Если исследует

связь свободы и образования, Уолстонкрафт участвует в основном разговоре. Если разбирает материю и дух, позиция Конвей становится вариантом ответа, а не примечанием к биографии более известного собеседника.

При этом нельзя включать человека только через его отношение к каноническому мужчине. Такая связь помогает читателю ориентироваться, но может снова отдать центр другим. Автор «возражает Декарту», «влияет на Лейбница», «переписывается с Мором» — а что утверждает сам? Полезно сначала назвать собственную проблему и довод мыслительницы, затем показать отношения с другими.

Условный читатель может проверить это на одном абзаце. Уберите знаменитые мужские имена. Остаётся ли понятная философская задача женщины? Если остаётся только биография знакомства, описание недостаточно. Если остаются тезис, основания и трудность, перед нами действительное участие в разговоре. Это проверка способа изложения, а не историческое доказательство независимости автора от влияний.

Похожая разница есть в семейной или рабочей памяти. Можно сказать, что человек помогал важному участнику, а можно описать решение, которое он предложил. Во втором случае меняется авторство знания. История философии требует особой осторожности с такими атрибуциями, но принцип понятен: место в разговоре измеряется не количеством упоминаний, а тем, позволено ли вопросу автора менять общую структуру объяснения.

VII. Сохранность текста не равна справедливому приговору

Архив хранит следы, которые пережили свою среду. Он не распределяет их по заслугам. Рукопись может исчезнуть по случайной причине; текст с большим количеством экземпляров получает больше шансов сохраниться. Поэтому современная видимость автора зависит и от материальной истории книги.

Из этого не следует, что любой отсутствующий текст был выдающимся. Отсутствие остаётся отсутствием. Но утверждение «если бы работа была важной, мы бы о ней знали» требует слишком сильной предпосылки: будто передача знания всегда сохраняет значимое. Достаточно признать, что сохранение и качество — разные переменные, чтобы отказаться от такого удобного вывода.

Практическая работа исследователя соединяет восстановление и оценку. Сначала устанавливается, кому принадлежит текст, когда он появился и что именно передано. Затем выясняется смысл довода. После этого его сравнивают с альтернативами. Если начать с желания доказать величие автора, исследование рискует превратиться в защитную речь. Если начать с требования заранее доказанной известности, возвращение новых участников становится невозможным.

Хорошее издание облегчает проверку, но не закрывает её. Введение редактора, перевод и сам трактат имеют разных авторов и разные статусы. Особенно легко перепутать их в электронном тексте, где всё лежит на одной странице. Прочитанная аннотация не становится прочитанной книгой, а мнение историка — прямым высказыванием мыслительницы.

Для читателя полезен небольшой реестр: первичный текст, доступный фрагмент, научное описание и собственный вывод. Такой реестр не обязан становиться громоздким документом. Он нужен, чтобы не приписать автору красивую идею, которую на самом деле создал современный пересказ. Возвращение голоса требует уважения к его действительным словам, включая то, что они неудобны, непривычны или не дают ожидаемого вдохновляющего результата.

VIII. Качество не исчезает вместе с прежним списком

Критика канона нередко вызывает опасение, что аргументы заменят представительством. Это реальная опасность любого плохо выполненного отбора. Однако из неё не следует, что прежний список свободен от социальных критериев. Скорее требуется сделать критерии явными и применять их последовательно.

Философскую работу можно оценивать по постановке вопроса, ясности различений, силе основания, способности выдержать возражение и влиянию на последующее исследование. Эти признаки не всегда совпадают. Малоизвестный текст может поставить важный вопрос без заметного влияния; влиятельная система может сохранять серьёзную ошибку. Поэтому один показатель не должен молча представлять все остальные.

Нужно также отделить задачу учебного курса от окончательной оценки автора. В коротком курсе выбирают текст, который помогает разобраться в определённой проблеме. Это не означает, что остальные мыслители хуже. Если ограничение времени обозначено, выбор становится честнее. Если его скрыть, практическая необходимость выглядит метафизическим приговором о достоинстве чужой мысли.

Условный редактор антологии может провести полезную проверку. Сначала записать критерии, затем применить их к знакомым и незнакомым авторам. Если для первого достаточно исторической известности, а от второй требуется одновременно оригинальность, современная актуальность и безупречность, отбор несимметричен. Исправление заключается в единой процедуре, а не в обязательном положительном решении по каждому случаю.

Последовательность не исключает различий контекста. Малый сохранившийся корпус ограничивает вывод о системе автора, а исторические барьеры объясняют форму

участия. Объяснение формы не освобождает от проверки довода. Так можно одновременно признать несправедливые условия, оценить слабый аргумент как слабый и сохранить сильный вопрос. Это более уважительное отношение, чем безусловное восхищение, которое лишает мыслительницу права быть серьёзным спорным собеседником.

IX. Чтение меняет распределение авторитета

Каждый новый читатель участвует в продолжении канона. Он рекомендует книгу, выбирает цитату и пересказывает историю. Эти действия невелики по отдельности, но именно из повторений складывается будущая знакомость. Поэтому ответственность читателя не сводится к пассивному исправлению чужого списка.

Можно начать с одного реального текста. Не с подборки знаменитых женщин и не с рейтинга вдохновения. С вопроса, который интересует вас, и конкретного довода мыслительницы. Прочитать доступный участок, назвать предпосылку, записать возражение. Такой контакт делает автора участником вашего мышления, даже если итогом будет несогласие.

Важно не превращать автора в символ без права на сложность. Если Уолстонкрафт нужна только как предшественница, её рассуждение рискует исчезнуть за торжественным портретом. Если Кавендиш нужна только как необычная женщина, её вопросы о движении станут экзотической деталью. Символическое признание имеет значение, но не заменяет философского чтения.

Есть и обратный риск: потребовать от первого прочитанного женского текста представлять всех женщин. От знакомого мужчины такого обычно не ждут. Мыслительница может быть локальной, религиозной, спорной или ограниченной своей эпохой. Это не провал восстановления. Именно так выглядит реальная история философии: множество несовпадающих попыток понять мир, которые сохраняют свои пределы.

В результате меняется ощущение традиции. Она становится не лестницей единственных победителей, а сетью переданных и прерванных разговоров. Это не отменяет различий масштаба. Некоторые работы действительно преобразили целые области. Но теперь различие масштаба требуется устанавливать исследованием, а не угадывать по отсутствию имени в привычной последовательности. Читатель получает более трудную и более свободную задачу: судить о мысли после встречи с ней, а не по месту, которое ей заранее выделили другие.

X. Перевод делает мысль доступной и меняет её

Языковая доступность входит в отбор канона раньше, чем читатель начинает сравнивать доводы. Если одного автора можно прочитать в нескольких хороших переводах, а другого лишь в неудобном фрагменте, впечатление о ясности их мысли уже формируется неравномерно. Различие качества доступа легко принять за различие качества философии.

Это не обвинение переводчика: всякая передача требует решений. Исторический термин может иметь несколько современных соответствий; знакомое слово способно ввести лишнюю ассоциацию. В небольшом тексте одно такое решение меняет понимание целого довода. Поэтому важная формулировка заслуживает проверки по доступному оригиналу или комментариям, особенно если она кажется необычно удобной для сегодняшнего спора.

В условном примере читатель встречает слово «разум» и слышит способность логически рассуждать. В источнике рядом обсуждаются моральная самостоятельность и воспитание. Если оставить только первое значение, довод станет беднее. Если без основания добавить современную психологическую теорию, он станет другим. Хороший пересказ возвращает связи термина с задачей автора, а не просто заменяет старое слово более красивым новым.

Есть практический выход для человека без знания исходного языка. Можно указать перевод, сохранить локатор и сравнить несколько доступных объяснений. При этом нельзя выдавать такое сравнение за самостоятельную работу с рукописью. Признанная граница не унижает читателя. Она позволяет точнее понять, где собственное суждение опирается на мыслителя, а где на посредника.

Восстановление женщин в истории поэтому включает невидимый издательский труд: подготовку текста, установление вариантов, перевод, указатель и комментарий. Он создаёт условия, в которых спор становится возможен. Одного приглашения «читать больше женщин» мало, если доступ остаётся сложнее. Работать с каноном означает иногда не выбирать очередное имя, а сделать один значимый текст действительно читаемым и проверяемым для следующего человека.

XI. Авторство бывает отношением, но требует точности

Философия создаётся в разговорах, однако коллективный характер мысли не позволяет произвольно перераспределять авторство. Из того, что человек присутствовал рядом, не следует, что ему принадлежит довод. Из того, что его имя не стоит на обложке, не следует, что участия не было. Обе крайности мешают восстановить действительную историю.

Здесь нужен вопрос о характере вклада. Человек предложил проблему, написал фрагмент, исправил доказательство, обеспечил перевод или поддерживал условия работы? Все эти действия значимы, но они разные. Назвать их точно уважительнее, чем объединить словом «помощь» или без доказательств объявить соавторством. Историческое исследование устанавливает вклад по документам, а современная команда может заранее договориться о его фиксации.

В условной редакционной работе один участник пишет статью, другой замечает скрытую предпосылку, из-за которой центральный вывод меняется. Если благодарность второму ограничена словами «вычитал текст», существенная часть интеллектуального действия исчезает. Если его назвать автором всей концепции, возникнет обратное искажение. Хороший журнал изменений описывает, какой вопрос был поставлен и что изменилось благодаря ему.

Этот пример возвращает нас к философскому канону. История не обязана состоять только из героических одиночек. Но сеть отношений не растворяет отдельных мыслителей. Напротив, она позволяет увидеть их точнее: кто развивал вопрос, кто возражал, кто предоставлял доступ, кто передавал текст дальше. При такой записи забота и организация не становятся автоматически метафизикой, а метафизическое возражение не исчезает под общей рубрикой заботы.

Справедливое признание имеет дело с проверяемым различием вкладов. Оно не распределяет одинаковые титулы всем участникам и не оставляет всю заслугу тому, кто имел право подписать итог. Это полезный ориентир и для архивиста, и для живого читателя: искать конкретное действие человека, а затем подбирать точное слово для его места в разговоре.

Что это значит на практике

Возьмите одну философскую тему, которую уже знаете: свобода, образование, материя, справедливость. Посмотрите на свой обычный список авторов. Не требуется немедленно уравнять его численно. Сначала назовите основания списка: какие тексты вы читали, какие лишь встречали в пересказе, какие доступны на вашем языке.

Выберите одну мыслительницу, у которой есть проверяемый текст по этой теме. Прочитайте достаточный фрагмент для одного законченного довода. Запишите четыре вещи: вопрос, ответ, основание и сильнейшее возражение. Если доступны только обзор или аннотация, отметьте эту границу. Она помогает продолжить чтение и предотвращает уверенное приписывание.

Затем сравните довод с привычным автором по одинаковым критериям. Не требуйте от нового текста большей безупречности только потому, что его место ещё не закреплено. Но не снижайте требований из сочувствия. Различайте ошибку, историческое ограничение и настоящий новый вопрос. Иногда ценным результатом станет изменение формулировки самой проблемы.

Если вы составляете курс, библиотеку или семейную подборку, включите вопрос автора в основной маршрут. Объясните, почему этот текст нужен именно здесь. Отдельная подборка может помочь знакомству, но устойчивое признание возникает, когда работа участвует в общих темах и становится доступной для спора.

Наконец, проверьте способ пересказа. Чья мысль названа собственной, а чья описана только как помощь знаменитому собеседнику? Кто получает право ошибаться продуктивно? Эти вопросы не дают автоматического ответа о несправедливости каждого случая. Они делают отбор видимым. Канон остаётся картой, но человек начинает понимать, как карта была составлена, и может добавить в неё дорогу, которую действительно прошёл.

Ключевая цитата

> *«Без знания не может быть нравственности!»*

Мэри Уолстонкрафт, «В защиту прав женщины», глава IV. Собственный перевод: “Without knowledge there can be no morality!” Формула завершает её возражение против ограничения образования. В тексте «знание» связано с развитием самостоятельного суждения, а не с механическим накоплением сведений. Текст.

Связи между традициями

Сопоставление	Сходство и граница
Уолстонкрафт: воспитание разума ↔ критика учебного канона	Обе линии спрашивают об условиях интеллектуального участия. Современная историография не является программой XVIII века.
Кавендиш: вопросы о движении ↔ привычный ранненововременный спор о причинности	Женский текст участвует в общем вопросе. Его натурфилософия не объявлена современной физикой.
Конвей: религиозная метафизика ↔ Кавендиш: натурфилософская система	Обе разрабатывают устройство природы; материальные и теологические основания существенно расходятся.
Письмо ↔ трактат	Обе формы могут содержать последовательное обоснование. Сам жанр не гарантирует философского качества.
Историческое восстановление ↔ современный читательский выбор	В обоих случаях видимость зависит от передачи. Личная подборка не заменяет архивное доказательство авторства.

Первоисточники и исследования

1. Mary Wollstonecraft. A Vindication of the Rights of Woman (1792). Прочитаны фрагменты глав II и IV; основания воспитания, самостоятельность, обе цитаты.

2. Margaret Cavendish. Philosophical Letters (1664). Прочитаны предисловие и участки части I о движении и восприятии; философский характер письма.

3. Sarah Hutton. Lady Anne Conway, Stanford Encyclopedia of Philosophy. Прочитаны разделы 1–3 и 6; обучение, издание и краткая характеристика системы. Трактат Конвей целиком не прочитан.

4. Charlotte Witt, Lisa Shapiro. Feminist History of Philosophy. Прочитаны разделы 2, 2.1 и 2.4; возврат авторов, жанры, историографические вопросы.

Теги

история философии, женщины, канон, отбор, Мэри Уолстонкрафт, Маргарет Кавендиш, Анна Конвей, разум, образование, самостоятельность, авторство, архив, письмо, трактат, жанр, историография, религиозная метафизика, натурфилософия, движение, материя, свобода, признание, учебная программа, перевод, сохранность, доступ, аргумент, равенство, критическое чтение, философский диалог

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.